

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.031
УДК 811.161.1'282 + 811.511.112'282 +
+ 81'373.21 + 81'373.6 + 913(470.21)

Е. В. Захарова
А. Ф. Кривоноженко
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия

«ИЗ ГРЯЗИ В КНЯЗИ»: В ПОИСКАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКОВ ТОПОНИМА *КНЯЖАЯ ГУБА*

В статье предпринимается попытка определения этимологии топонима *Княжая губа*. Материалом для исследования послужил комплекс имеющихся письменных исторических источников разных лет, работы историков и краеведов Мурманской области, полевые материалы топонимических картотек Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН и Уральского федерального университета. С помощью методик исторических и топонимических исследований анализируется корпус выявленных трактовок, среди которых центральное место занимает версия, соотносящая название с русской лексемой *князь*. В ходе проведенной работы, учитывающей историко-культурный фон сложения локальной топонимической системы, социально-экономические особенности края, физико-географические характеристики описываемого объекта, анализ комплекса имеющихся исторических источников, а также лингвистические и топонимические параметры наименования, авторы приходят к выводу о том, что у «княжеских» топонимов самых северных районов и остальной территории Русского Севера могут быть разные этимологические истоки. Если для большинства географических объектов с основой *Княж-* в качестве исходного мотива номинации наиболее вероятной видится маркировка княжеских землевладений (и в качестве источника здесь выступает рус. *князь*), то топонимы-«тезки» на севере Карелии и в Мурманской области могут иметь нерусские истоки. Для топонима *Княжая губа* исходная мотивировка реконструируется на основе характерного признака природного объекта — илистого, топкого дна, что, в свою очередь, позволяет возводить основу

© Захарова Е. В., Кривоноженко А. Ф., 2023

названия залива к данным саамского языка (саам. *niežže* ‘ил, тина; грязь’). Предполагается, что переосмысление примарной семантики произошло в ходе интеграции наименования в русскоязычное употребление в результате замены исходной тополексеми на созвучную русскую с протетическим согласным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топоним; этимология; семантика; мотивация; история Кольского полуострова; русский язык; карельский язык; саамский язык

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00362 «Создание открытой геоинформационной системы по топонимии Карелии на примере Арктической зоны республики».

Село *Княжская Губа*¹ (Мурм.: Кандал.) получило свое название от природного объекта — губы *Княжская* Кандалакшского залива Белого моря, на побережье которой оно располагается. Отметим, что предки современных жителей этого села (как и сс. *Колвица*, *Конец Ковдозера* и ряда других селений Кандалакшского р-на Мурманской обл.²) были в основном переселенцами из района *Кестеньги* — *Оланги* (современная территория Лоухского р-на Карелии) [Кундозерова, 2023], поэтому эти населенные пункты традиционно относятся к карельским и имеют карелоязычные наименования (рус. *Княжская Губа* / карел. *Knäžöi*, рус. *Колвица* / карел. *Kolvičča*, рус. *Конец Ковдозера* / карел. *Koutajärvenpiä*).

Проблему происхождения названия *Княжская губа* изучали В. Авен-Авинский [1929], А. А. Минкин [1976], Н. П. Береснёв [1987], И. Ф. Ушаков [1998; 2001], С. Ф. Бородин [2008]. Все они в той или иной степени сходятся во мнении, что топоним восходит к лексеме *князь*.

Этимология *Княжской губы* привлекала внимание не только историков и краеведов, народная память хранит предания, объясняющие происхождение этого топонима. Так, в материалах, записанных научной экспедицией 2017 г.³ на карельском языке и хранящихся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН [ФА], повествуется о том, как двое братьев-князей (по другой версии — сыновей-князей московского царя) прибыли на помощь местному населению в борьбе со шведами [ФА, 3901/2, 3898/5⁴]. В Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей ИЯЛИ КарНЦ РАН зафиксированы следующие сведения: «Когда-то здесь жила княгиня — отсюда и название», «Дедушка говорил, что существовало княжество» [КТК].

¹ В названии села слово *губа* дается с прописной буквы, в наименовании залива — со строчной.

² Кандалакшский район Мурманской области до мая 1938 г. входил в состав КАССР.

³ Собиратели: Д. В. Кузьмин, П. Кехайов.

⁴ В ссылках такого рода первая цифра обозначает номер единицы хранения, вторая — номер трека.

Таким образом, до сих пор научная и народная трактовки совпадали, и основной версией, объясняющей происхождение названия, является «княжеская». Для ее проверки необходимо обратиться к ранним источникам по истории Кольского полуострова, которые отражают начальный период русской колонизации этих земель и борьбы за них со скандинавскими королевствами.

«Княжеские» истоки: исторический подход

Версия о морском сражении

Объясняя возведение основы топонима к лексеме *князь*, многие историки и краеведы ссылаются на описание путешествий голландского купца Симона ван Салингена по северным русским землям [Салинген, 1901]. В нем путешественник пересказал свой разговор, состоявшийся в 1566, 1567 или в начале 1568 г. [Там же, 7] с несколькими «весьма старыми людьми» из различных деревень на берегу Белого моря. В ходе разговора ван Салинген услышал предание о появлении названия *Княжеская губа*⁵. Из него следует, что когда-то в одной из бухт на побережье между Кандалакшей и Ковдой состоялось крупное морское сражение между кораблями «королей Швеции и Норвегии» и русскими силами, которые возглавлялись некими князьями. В честь их победы залив стал именоваться *Княжей губой* [Там же, 8].

По мнению И. Ф. Ушакова и Н. П. Береснёва, факты, указанные в донесении голландского купца, подтверждаются Вологодско-Пермской летописью, в которой упоминалось о крупном морском сражении между силами Ивана III с «каянскими немцами», произошедшем летом 1496 г. Тогда сводным русским отрядом руководили князья — братья Иван Федорович и Петр Федорович Ушатые [ПСРЛ, 290]. Упомянутое морское сражение стало лишь одним эпизодом длительного военного похода русского отряда во время русско-шведской войны 1495–1497 гг., целью которого была Каянская земля, т. е. территория современной Финляндии между северной частью Ботнического залива и границей с Россией [Шаскольский, 1965, 15–16]. Н. П. Береснёв и И. Ф. Ушаков делают вывод о том, что речь идет именно

⁵ Отметим также, что есть и другие исторические предания о борьбе с врагами на Белом море, в которых, также как и в рассказе ван Салингена, фигурируют острова Кузова, божественное провидение и ослепление врагов. О двух из них сообщает финляндский журналист и путешественник А. Эрвасти, который посетил Кемь, Кузова и Соловки в 1879 г. Первое предание было записано им от местного жителя, который «с глубокой убежденностью» рассказал, как враги, пытавшиеся захватить Соловецкий монастырь, встали лагерем на одном из островов архипелага Кузова. Враги были превращены в камни и остались на острове навсегда, а монастырь чудесным образом был спасен. В другом предании, которое А. Эрвасти связал с сообщением в Соловецкой монастырской летописи 1611 г., говорилось, что пересекшие границу шведские (финские) отряды разорили селения на берегу моря и расположились лагерем на Кузовах. Однако божественное провидение и молитвы монахов «ослепили врагов», а затем под натиском русского отряда они вынуждены были отступить [см.: Эрвасти, 2022, 106, 108].

о морском сражении рядом с нынешней *Княжсей Губой*, а залив был назван так в честь победы русских князей.

Специфика исторического источника, связанного с голландским купцом, также говорит в пользу того, что описанное событие могло иметь место. Услышанный ван Салингеном рассказ о князьях обладает характерными признаками исторических преданий. По мнению видного советского фольклориста В. К. Соколовой, для исторических преданий обязательно характерны и историзм, и художественный вымысел. Сочетание этих элементов находится в разном пропорциональном отношении [Соколова, 1970, 254]. Таким образом, предание о «князьях» в той или иной степени могло базироваться на историческом событии. Отметим важную в контексте этой статьи деталь: концовки исторических преданий часто объясняют появление названия того или иного географического объекта [Там же, 252–253, 265, 273].

Выделение и верификация исторической составляющей в предании заключается в сопоставлении изложенных в нем фактов с другими источниками. Историческая версия объяснения происхождения топонима *Княжская губа*, о которой в своих работах писали Н. П. Береснёв и И. Ф. Ушаков, является вполне последовательной и обоснованной, но лишь настолько, насколько это позволяет сделать крайне ограниченная источниковая база, имевшаяся в их распоряжении. В связи с этим обратим внимание на ряд фактов, которые могут ослабить позиции исторической версии.

Работая с донесением Симона ван Салингена, следует иметь в виду особенности этого источника, а также учитывать жанровую специфику исторических преданий. Во-первых, рассказ о морском сражении — это пересказ (интерпретация), сделанный ван Салингеном. На эту особенность источника указывал и Н. П. Береснёв [1987, 20]. Кроме того, сам голландский путешественник несколько скептически отнесся к некоторым сведениям, полученным от местных крестьян о прошлом населенных пунктов на побережье Белого моря. Так, он прямо указывает, что рассказ об основании Соловецкого монастыря снабжался «...разными прикрасами, которые я счел за басню» [Салинген, 1901, 8].

«Историческое» объяснение топонима ставит под сомнение и тот факт, что топооснова *Княж-* не уникальна для географических названий на Кольском полуострове и встречается на территориях, расположенных далеко от места указанных событий (например, *Княжская Салма*, *Княжской Наволок*, *Княжская Губа* на оз. Экостровская Имандра, а также р. *Княжская* на севере полуострова [Минкин, 1976, 129]). Вероятность того, что они связаны с этим сражением, крайне мала.

Наиболее уязвимым местом версии «победы двух князей» является отсутствие точного указания на место морского сражения в 1496 г. в Вологодско-Пермской летописи. Одновременно с этим отметим, что в историографии традиционно преобладает мнение, согласно которому поход войск Московского государства

в Каянскую землю в ходе войны осуществлялся из устья Северной Двины морским путем вокруг Кольского полуострова [см., например: Волков, 2004, 35–36]. Затем, высадившись на берег, отряд князей Ушатых продолжил поход в южном направлении, достигнув, возможно, Ботнического залива. В этом случае морское сражение в Княжей губе не могло состояться, поскольку отряд князей прошел через горло Белого моря в Баренцево и не заходил в Кандалакшский залив. И. Ф. Ушаков критиковал эту гипотезу, апеллируя, во-первых, к тому, что водными системами рек Кемь или Ковда войска Ивана III могли достигнуть Каянской земли гораздо проще и быстрее. Во-вторых, И. Ф. Ушаков считал, что указание на следование отряда князей Ушатых вокруг Кольского полуострова — это неверное толкование сообщения из Устюжской летописи [УЛС, 100] вследствие допущенной переписчиками ошибки или сокращения. В действительности, по его мнению, описание этого маршрута относилось к дипломатической миссии в Данию Григория Истома, которая в том же 1496 г. отправилась из устья Северной Двины [Ушаков, 1998, 278–279]. Однако историк не предоставил достаточную доказательную базу для этого предположения, сославшись лишь на гипотезу, высказанную в XIX в. [Там же, 279].

Морская часть пути московского дипломата, описанного Сигизмундом фон Герберштейном, была проанализирована И. П. Шаскольским. Это плавание действительно начиналось в устье Северной Двины и шло вокруг Кольского полуострова [Шаскольский, 1965, 13]. В то же время скандинавист не считал эти две экспедиции вокруг Мурмана, произошедшие в один год, взаимоисключающими. И. П. Шаскольский разделял преобладающее в историографии мнение, согласно которому русские войска под предводительством князей Ушатых для похода на Каянскую землю огибали Кольский полуостров морем, а значит, не могли появиться в районе Княжей губы [Там же, 16].

Таким образом, необходимо констатировать существование ряда серьезных доводов, ослабляющих гипотезу, построенную на факте исторического морского сражения в Княжей губе.

Версия о знатных землевладельцах

Знаком топонимии Кольского полуострова А. А. Минкин предложил еще одну версию. Исследователь привел ряд названий в разных частях полуострова с топоосновой *Княж-* (см. выше). Он предположил, что происхождение топонимов связано со знатными землевладельцами, необязательно князьями — речь могла идти просто о состоятельных людях [Минкин, 1976, 129]. По крайне ограниченному историческим источникам известно, что вотчинное боярское землевладение на территории Кольского полуострова существовало, но, вероятно, не было широко распространено. В частности, В. О. Ключевский писал о владениях здесь Марфы Борецкой в XV в., которые были подарены Соловецкому монастырю [Ключевский, 1867, 12–13].

Южнее Кольского полуострова, на территории современной Карелии, боярское вотчинное землевладение активно развивалось до падения Новгородской республики. Оно существовало на территориях, примыкавших к Карельскому и Поморскому берегам, где боярские вотчины были небольшими по площади и располагались на значительном расстоянии друг от друга [Кизеветтер, 1919, 19]. В южной части края к XV в. все земли принадлежали новгородским светским или духовным феодалам. Так, одна только Марфа Борецкая в рамках территории современной Карелии владела почти 200 деревнями [Мюллер, 1947, 21–22]. При этом топооснова *Княж-/Княз-/Княц-* не получила здесь широкого распространения⁶ и фиксируется главным образом в ойконимии Южной Карелии: д. *Княщина* (Видл.), д. *Князевская* (Нигиж.), д. *Княжбор* (Шелтоз.-Береж.), д. *Князева* (Остреч.) [СНМ, 1905].

Таким образом, гипотеза о владениях князей на Кольском полуострове находит еще меньше подтверждений, чем предположение, связанное с победой сил Московского государства в морском сражении.

В то же время А. А. Минкин справедливо отмечает: «...чтобы добраться до истинного значения топонима, следует учитывать исторические, лингвистические, археологические, литературные и другие источники» [Минкин, 1976, 140]. Помимо исторического обоснования этимологии названия *Княжая губа*, необходимо обратиться к лингвистическим данным.

«Княжеские» истоки: лингвистический подход

Результаты топонимических исследований показывают, что исходная мотивация географических названий, зачастую связанная с реальными признаками объектов и характером их использования номинаторами, нередко в течение жизни наименований подвергается переосмыслению, или ремотивации [см., например: Березович и др., 2015; Иванова, 2022; Муллонен, 2019а]. При этом «процесс народного переосмысления топонимов наиболее системно проявляется в топонимических преданиях»⁷ [Муллонен, 2019а, 61]. Чтобы установить этимологию топонима *Княжая губа*, необходимо выявить его исходную мотивировку. Для этого обратимся к методикам ономастических исследований.

Анализ материалов картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета [КТЭ] и ряда исследований показал, что топооснова *Княж-* относится к числу продуктивных на обширной территории Русского Севера. Она фиксируется главным образом в названиях рек, сельхозугодий и населенных

⁶ Забегая вперед, отметим, что это вовсе не случайно, поскольку указанная топооснова имеет московские (низовские), а не новгородские корни.

⁷ Под топонимическим преданием понимается текст, который «обнаруживает связь своей мотивной структуры с мотивировкой какого-либо географического названия» [Березович и др., 2015, 109].

пунктов, небольшой процент отмечается в наименованиях ручьев, болот, дорог, озер и островов. Среди основных мотивов номинации, отразившихся в экспедиционных материалах, выделяются:

▪ «княжеская» версия: «Там князь пировал», «Там какой-то князь обосновался», «Чудь-то шла, княжья-то бились здесь», «Тамотки князя новгородского убили», «Дрались новгородцы с чудью. На этом поле князя новгородского с Мызы из лука убили. Вот и прозвали так поле», «Князь какой-то туда своего слугу сослал, от княжьего слуги и прозвали», «Петр Великий плыл по Двине с князьями, тут заночевал. Где он был — луг *Великие*, где князя — *Княжий Стан*» [КТЭ];

▪ «ягодная» версия: «Князя там, сказывают, ходили новгородские, а может, княжка⁸ росла», «Княжицы там много» [КТЭ]⁹;

▪ версия, связанная с особыми характеристиками, высокой оценкой места / природного объекта: «Расположено поле на угоре, выше соседних полей», «Речка большая, хорошая, больше других-то ручьёв. Как бы княжеская речка, оттого что большая», «Богатый луг» [КТЭ].

В. Л. Васильев, рассматривая славянскую топонимию Новгородской земли, отмечает, что прилагательное *княжь* (наравне с некоторыми другими), выступающее в многочисленных здесь древних и новых географических названиях (руч. *Княжой*, *Княжий Остров*, *Княж Стан*, *Княж Кут*, *Княжее Село*, *Княжий Бор*, *Княжеево* и др.), происходит от нарицательного обозначения лица, а наименование *Княжичи* является посессивным ойконимом, маркирующим принадлежность князю [Васильев, 2012, 77, 204]. К сословному статусу человека возводит семантику лимнонима *Княжово* А. А. Макарова, изучавшая озерную гидронимию Белозерья [Макарова, 2012, 160].

Исследование топонимии Вологодской области показало, что широко представленная здесь топооснова *Княж-/Княж-* (для трактовки которой местным населением используется целый спектр известных фольклорных сюжетов) выполняла конкретную функцию — служила меткой московских (низовских) землевладений, в отличие от топонимов *Большой (Великий) Двор* и *Боярщина*, имеющих новгородские корни и, соответственно, помечавших новгородские землевладения [Кузнецов, 2013, 248–249]. Этот вывод нашел подтверждение и при анализе топонимии Южной Карелии [Муллонен, 20196].

Вероятно, стоит согласиться, что большая часть бытующих на Русском Севере топонимов на *Княж-* связана именно с княжеским землевладением, таким образом, «княжеские» истоки исходной мотивировки подтверждаются.

⁸ Ср. *княжка* влг. ‘красная смородина’, арх., влг. ‘ягода княженика (поленика)’, *княжица* арх., влг. ‘красная смородина’, арх., влг. ‘ягода княженика (поленика)’ [СГРС, 5, 191].

⁹ Данная версия объясняет происхождение названий рек и болот и может иметь под собой реальные истоки.

Нерусские истоки топоосновы *Княж-*

При рассмотрении географических названий северных территорий необходимо учитывать тот факт, что значительная часть местных топонимов имеет нерусские истоки. Возможно, ряд названий, кажущихся, на первый взгляд, русскими, мог стать таковым в процессе интеграции топонимов в иноязычную среду (ср., например, названия располагавшихся на краю обширных болот бывших деревень *Рим*, *Римская* — Шал., Шунг., происхождение которых связывается с карел. *riete*, *riemi* ‘болото, поросшее чахлым лесом’ [Муллонен, 2008, 71]). Кроме того, существование топонимов в двуязычном формате — в официальной практике на русском языке, а в устном бытовании на языке местного населения (например, рус. *Княжая Губа* / карел. *Knäžöi*, рус. *Колвица* / карел. *Kolvičča*, рус. *Конец Ковдозера* / карел. *Koutajärvenpiä*) — также допускает их нерусское происхождение. Поэтому возможно предположить иноязычные истоки для топоосновы *Княж-*, маркирующей на Кольском полуострове и севере Карелии нетипичные для землевладений объекты (проливы, заливы, мысы).

В. А. Мацак связывает основу названия протекающей на севере Кольского полуострова р. *Княжуха* (приток р. Печенга) с саамскими данными: саам. *keunjes*, *kewnes*, *кеунаш* ‘водопад, падун’ [Мацак, 2005, 204–206]. Реальные физико-географические характеристики реки соответствуют предложенной версии. Норвежский этнограф Й. А. Фрис изучил мельничный жернов, показанный ему на берегу р. Княжуха. Судя по описанию, это был огромный жернов, установка которого целесообразна лишь на мощном водопаде [Фрис, 1885, 259]. Отметим также наличие речных порогов и в окрестностях ряда селений с основой *Княж-*: д. *Под порогом Князева*¹⁰ [СНМ, 1905, 130], д. *Князева*¹¹ [Там же, 16] и др. Примечательно, что в вершине рассматриваемой нами губы *Княжая*, в границах села, находится устье ручья, который берет начало в оз. Долгое. Перепад высот между истоком ручья и его устьем составляет 42,7 м, что при общей длине ручья 1,9 км¹² создает значительный уклон его русла. Сложный локальный рельеф в вершине губы мог приводить к формированию в период половодья на этом ручье небольших порогов в черте современного села. Еще в начале XX в. местные старожилы рассказывали о том, что «лет двести назад» в этот ручей спокойно могли заходить карбасы [Авен-Авинский, 1929, 41]. В таком случае небольшие пороги могли действовать здесь постоянно, что могло послужить мотивом названия залива.

¹⁰ Деревня располагалась на р. Андома (Анд.).

¹¹ В настоящее время это место затоплено (оно находится под Ивинским водохранилищем). Деревня (Остреч.) находилась в устье р. Ивина, при впадении в р. Свирь. Как раз в этом месте на реке был один из самых крупных порогов — Остречинский. После строительства ГЭС он тоже исчез.

¹² Подсчитано на основе карт-километровок.

Несмотря на приведенные факты, слабым местом данной трактовки является фонетический переход саам. *keunjes, kewnes, кеунаш* > рус. *Княж-*.

Наиболее перспективной кажется версия, связывающая топонимы зал., н. п. *Knäžöi* / рус. *Княжая Губа* (Кандал.), зал., н. п. *Näšoi(n)lakši* / рус. *Княже-губа* (Кест.), зал. *Някша* (Кем.) [КТК] с карельским термином *niäššä* ‘вязкий, илистый берег моря во время отлива; топкое илистое дно моря или другого водоема’ [СКНГТ, 134]. При этом данный термин в карельском языке считается заимствованным из русских беломорских говоров (ср. *няша* ‘грязь, ил у берега после отлива’ [СРГК, 4, 62]), а русские диалектные лексемы, в свою очередь, восходят к саам. *niežže* ‘грязь, мусор; ил, тина’ [Itkonen, 1932, 55; Мурзаев, 1984, 399].

Согласно предложенной версии, изначально саамское название, характеризующее дно залива как илистое, топкое, могло быть усвоено карелами в виде *Niäššälakši ~ Näšoi(n)lakši*, а при переходе в русское бытование было переосмыслено и приобрело «княжеский» вид в результате замены исходной тополексемы на созвучную, но с протетическим согласным. Случаи наращивания протетических согласных при адаптации прибалтийско-финских топонимов реконструируются, например, в Заонежье: ср. оз. *Хмелезеро* < **Мелозеро* < **Melajärvi* (приб.-фин. *mela* ‘кормовое весло’), оз. *Дристорозеро* < **Ристозеро* < *Ristijärvi* (приб.-фин. *risti* ‘крест’) и др. [Муллерен, 2008, 76]. Современный вид *Knäžöi* (ср. карел. *kneäšä, knäžä* ‘князь’ [KKS]) карельский топоним мог приобрести позже, под влиянием русскоязычного варианта. Переосмысление примарной мотивации на русской почве могло подкрепляться событиями русско-шведского противостояния.

Дополнительным подтверждением предложенной этимологии топонима служат данные лоции, составленной морским офицером М. Ф. Рейнеке в 1833 г. и характеризующей дно губы *Княжая* так: «грунт везде жидкий ил» [Рейнеке, 1883, 324–325].

Выводы

Таким образом, несмотря на широкое распространение версии, связывающей обозначенный топоним с русскоязычной лексемой *князь*, и народной трактовки, отразившейся в местных топонимических преданиях о братьях-князьях, пришедших на помощь местному населению в борьбе со шведами, анализ исторических и лингвистических данных не подтверждает истинность этой мотивировки. Наиболее вероятным представляется возведение топоосновы к географическому термину, поскольку топонимы, созданные в рамках традиционной культуры, чаще всего имеют прикладной характер и соответствующую мотивацию, восходящую к реальным признакам объектов и возможности их использования в хозяйственно-экономической деятельности населения. С учетом реальных физико-географических особенностей губы *Княжая* топооснова возводится к саамской лексеме со значением ‘грязь; ил, тина’.

Предполагается, что ремотивация топонима произошла в результате его перехода в иноязычное бытование или в связи со сменой языкового сознания носителей топонимической системы, так как «народная этимология <...> переосмысливает топоним с учетом языкового сознания ремотиватора, а также представления о пространстве как месте, где разворачиваются исторические и мифологические события» [Муллонен, 2019а, 73]. Так географический объект, названный словом с саамскими истоками и семантикой ‘залив с илистым, топким, грязным дном’, с течением времени превратился в место сражения русских князей со шведами.

Источники

- Авен-Авинский В. [В.]* Княжая Губа : краеведческий очерк // Карело-Мурманский край. 1929. № 4–5. С. 41–45.
- Береснёв Н. П.* Княжая Губа. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1987.
- Бородкин С. Ф.* История села Княжая Губа. Кандалакша : [б. и.], 2008.
- КТК — картотека топонимов Карелии (хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск).
- КТЭ — картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Кундозерова, 2023 — Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края / сост. М. В. Кундозерова. Петрозаводск ; Ульяновск : Печатный двор, 2023.
- Мацак, 2005 — Печенга: опыт краеведческой энциклопедии / сост. В. А. Мацак. Мурманск : Доброход : Добросмысл, 2005.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959.
- Рейнке М. Ф.* Гидрографическое описание северного берега России : в 2 ч. Ч. 1 : Белое море. СПб. : Мор. тип., 1883.
- Салинген, 1901 — Русские в Лапландии в XVI веке. Донесение Симона-ван-Салингена 1591 года / пер. с нем. и прим. А. М. Филиппова. СПб. : Типо-лит. А. Э. Винке, 1901.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под общ. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Вып. 1–.
- СКНГТ — Словарь карельской народной географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин. Петрозаводск : Периодика, 2020.
- СНМ, 1905 — Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск : Олон. губ. тип., 1907.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- УЛС — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / ред. К. Н. Сербина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Ушаков И. Ф.* Княжая Губа // Ушаков И. Ф. Избранные произведения : в 3 т. Т. 3 : Кольская старина. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1998. С. 274–280.
- Ушаков И. Ф.* Княжая Губа // Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время : историко-краеведческий словарь. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 2001. С. 103.
- ФА — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

- Фрис Й. А. Печенгский монастырь в русской Лапландии / пер. с норв., пересказ Д. [Н.] О[стровского] // Вестник Европы. 1885. Кн. 4, № 7. С. 259.
- Эрваста А. В. Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 г. Петрозаводск : Периодика, 2022.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI).

Исследования

- Березович Е. Л., Кучко В. С., Сурикова О. Д. Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 108–133. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.006
- Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М. : Эксмо : Алгоритм, 2004.
- Иванова Е. Э. Топонимические предания уральских горщиков // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 177–196. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.2.022
- Кизеветтер А. А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства : исторический очерк. Вологда : Вологод. центр. о-во сельск. хоз., 1919.
- Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. [М.] : Унив. тип., [1867].
- Кузнецов А. В. Внутриволостные системы названий деревень Кокшеньги и соседних земель // Тарнога: Кокшеньгский край : краевед. сб. / ред. Ю. С. Васильев и др. Вологда : Б-Принт, 2013. С. 232–258.
- Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012.
- Минкин А. А. Топонимы Мурманска. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1976.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.
- Муллонен И. И. Мотивация VS ремотивация как источник этнокультурной информации (на материале топонимии Карелии) // Вопросы ономастики. 2019а. Т. 16, № 3. С. 61–77. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031.
- Муллонен И. И. Большие Дворы — новгородское наследие в ойконимии Карелии // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.) / сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019б. С. 235–240.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984.
- Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947.
- Соколова В. К. Русские исторические предания. М. : Наука, 1970.
- Шаскольский И. П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истома). Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. М. ; Л. : Наука, 1965.
- Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. 1932. Bd. 27. S. 45–65.

Рукопись поступила в редакцию 05.06.2023

Рукопись принята к печати 01.09.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
влг.	вологодские говоры русского языка	саам.	саамский язык

В названиях административно-территориальных единиц

Анд.	Андомская волость Вытегорского уезда Олонецкой губернии	Нигиж.	Нижigemская волость Пудожского уезда Олонецкой губернии
Видл.	Видлицкая волость Олонецкого уезда Олонецкой губернии	Остреч.	Остречинская волость Петрозаводского уезда Олонецкой губернии
Кандал.	Кандалакшский район Мурманской области	Шал.	Шальский район Карельской АССР
Кем.	Кемский район Карельской АССР	Шелтоз.-Береж.	Шелтозерско-Бережная волость Петрозаводского уезда Олонецкой губернии
Кест.	Кестеньский район Карельской АССР	Шунг.	Шунгский район Карельской АССР
Мурм.	Мурманская область		

* * *

Захарова Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: katja.zaharova@mail.ru

Zakharova, Ekaterina Vladimirovna

PhD, Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk,
Russia
E-mail: katja.zaharova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3225-7161>

Кривоноженко Александр Федорович

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: krivfed@yandex.ru

Krivozhenko, Alexander Fedorovich

PhD, Research Fellow,
Department of History
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk,
Russia
E-mail: krivfed@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7152-8070>

Ekaterina V. Zakharova
Alexander F. Krivonozhenko

Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia

EXPLORING THE ETYMOLOGICAL SOURCES OF THE PLACE NAME *KNYAZHAYA GUBA*

The article attempts to identify the etymology of the place name *Knyazhaya guba* (name of a settlement in the Murmansk Region of Russia). The material for the study included the available written sources from different time periods, works of the Murmansk Region historians and local lore experts, field materials from the toponymic card indexes of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS and the Ural Federal University. Methods of historical and toponymic research were applied to analyze the corpus of versions, the central one being that this place name is linked to the Russian lexeme *knyaz* 'prince.' As a result of this multidimensional study accounting for historical and cultural context in which the local toponymic system was formed, socio-economic characteristics of the region, physiographical features of the site, the analysis of the available historical sources, and the linguistic and toponymic parameters of the name, the authors arrive at the conclusion that the *Knyazh*-place names in northernmost regions may have different etymological sources than in the rest of the Russian North. Where the most likely original motivation for a majority of places names with the *Knyazh*-stem is to mark princely land holdings (and the source here is the Russian *knyaz*'), the place names with the same stem in the north of Karelia and in the Murmansk Region may have non-Russian sources. The original motivation for the place name *Knyazhaya guba* is drawn from a natural attribute of the site — muddy bottom, wherefore the base of the name can be traced to the Sami language (Sami *niešše* 'silt, mud; dirt'). The reinterpretation of the primary meaning presumably happened during integration of the place name into Russian through replacement of the original lexeme with a similarly sounding Russian one with a prosthetic consonant.

Keywords: placename; etymology; semantics; motivation; history of the Kola Peninsula; Russian language; Karelian language; Sami language

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00362 *Creation of an Open Geographic Information System for Toponyms of Karelia (the Case of Republic's Arctic Zone)*.

References

- Berezovich, E. L., Kuchko, V. S., & Surikova, O. D. (2015). Toponimicheskoe predanie i istoricheskii fakt (na materiale predanii o razboinikakh vostochnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ia) [Toponymic Legend and Historical Fact (Based on the Legend about the Robbers of the Eastern Vologda-Kostroma Borderland)]. *Voprosy onomastiki*, 1(18), 108–133. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.006
- Itkonen, T. I. (1932). Lappische Lehnwörter im Russischen. *Suomen Tiedeakatemia Toimituksia*, 27, 45–65.

- Ivanova, E. E. (2022). Toponimicheskie predaniia ural'skikh gorshchikov [Toponymic Legends of the Ural Miners]. *Voprosy onomastiki*, 19(2), 177–196. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.2.022.
- Kizevetter, A. A. (1919). *Russkii Sever. Rol' Severnogo kraia Evropeiskoi Rossii v istorii Russkogo gosudarstva: istoricheskii ocherk* [Russian North. The Role of the Northern Region of European Russia in the History of the Russian State: A Historical Essay]. Vologda: Vologod. tsentr. o-vo sel'sk. khoz.
- Klyuchevsky, V. O. (1867). *Khoziaistvennaia deiatel'nost' Solovetskogo monastyria v Belomorskom krae* [Economic Activities of the Solovetsky Monastery in the Belomorsky Territory]. Moscow: Univ. tip.
- Kuznetsov, A. V. (2013). Vnutrivolostnye sistemy nazvaniia dereven' Kokshen'gi i sosednikh zemel' [Internal Naming Systems for Villages of Kokshengi and Neighboring Lands]. In Yu. S. Vasilyev et al. (Eds.), *Tarnoga: Kokshen'gskii krai: kraevedcheskii sbornik* [Tarnoga: Kokshenga Region: Collected Works on Local History] (pp. 232–258). Vologda: B-Print.
- Makarova, A. A. (2012). *Russkaia ozernaia gidronimiia Belozer'ia: sistemno-funktsional'nyi aspekt* [Russian Lake Hydronymy of Belozerye in the Systemic-Functional Aspect] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Minkin, A. A. (1976). *Toponimy Murmana* [Toponyms of Murman]. Murmansk: Murm. kn. izd-vo.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiami* [Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Commentary]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Mullonen, I. I. (2019a). Motivatsiia VS remotivatsiia kak istochnik etnokul'turnoi informatsii (na materiale toponimii Karelii) [Motivation vs Remotivation as a Source of Ethnocultural Information (Based on the Toponymy of Karelia)]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 61–77. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031
- Mullonen, I. I. (2019b). Bol'shie Dvory — novgorodskoe nasledie v oikonimii Karelii [Bolshiye Dvory — Novgorod Heritage in the Oikonymy of Karelia]. In V. L. Vasilyev (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Velikii Novgorod, 17–20 sentiabria 2019 g.)* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 17th International Conference (Veliky Novgorod, September 17–20, 2019)] (pp. 235–240). Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.
- Murzaev, E. M. (1984). *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Folk Geographical Terms]. Moscow: Mysl'.
- Müller, R. B. (1947). *Ocherki po istorii Karelii v XVI–XVII vv* [Essays on the History of Karelia in the 16th–17th Centuries]. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoi SSR.
- Shaskolsky, I. P. (1965). *Ob odnom plavanii drevnerusskikh morekhodov vokrug Skandinavii (Puteshestvie Grigoriia Istomy). Puteshestviia i geograficheskie otkrytiia v XV–XIX vv*. [About One Voyage of Ancient Russian Sailors around Scandinavia (The Journey of Gregory Istoma). Travels and Geographical Discoveries in the 15th–19th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Sokolova, V. K. (1970). *Russkie istoricheskie predaniia* [Russian Historical Legends]. Moscow: Nauka.
- Vasilyev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Volkov, V. A. (2004). *Voiny i voiska Moskovskogo gosudarstva* [Wars and Troops of the Moscow State]. Moscow: Eksmo; Algoritm.

Received on 5 June 2023

Accepted on 1 September 2023